

что можно назвать несправедливым. Во-вторых, такое обличение создает сильный эмоциональный заряд, вызывает у аудитории левого дискурса чувство неприятия существующего положения вещей, что в дальнейшем позволяет предлагать обществу те или иные проекты преобразования имеющейся социально-политической системы, которые могут иметь различную степень радикальности, но при этом неизменно носить деструктивный по отношению к этой системе характер.

Кроме того, такое пристальное внимание к несправедливости позволяет левым идеологам обходиться без подробной интерпретации справедливости, что, безусловно, расширяет круг сторонников или, как минимум, симпатизирующих. Сначала аудиторию привлекает яркое и эмоциональное обличение несправедливости и стоящих за ней сил (а они обязательно должны там стоять, ведь в противном случае в несправедливости некого будет обвинить и, следовательно, не с кем будет бороться); затем следует не менее красочное, но менее содержательное описание будущего, справедливого, мирового порядка – причем оно подается в таких терминах, с которыми трудно не согласиться.

Поскольку интерпретация справедливости в левом дискурсе всегда следует после интерпретации несправедливости, то создается ощущение её (справедливости) большей значимости, приоритетности для данного дискурса, что и позволяет нам в итоге думать о справедливости как о преимущественно левой концепции, хотя, как мы видели, это не вполне верно.

Описанная роль концепта (не)справедливости позволяет нам лучше понять причину политических успехов новых левых движений. Во-первых, стоит отметить, что в своей диагностике существующих социально-политических проблем левые идеологи не так уж не правы – поэтому придание этим проблемам необходимой негативной эмоциональной окраски позволяет привлечь на свою сторону огромные массы людей, уже почувствовавших эти проблемы на себе.

Во-вторых, современный мировой порядок позволяет

говорить уже о глобальной несправедливости, то есть бороться сразу со многими врагами – с Вашингтоном, с транснациональными корпорациями, а также (при определенном уровне фантазии) с хорошо всем знакомой «мировой закулисой». Кроме того, с этими врагами можно бороться исключительно виртуально, при этом извлекая из этой борьбы реальную политическую выгоду, в первую очередь, в виде электоральной поддержки. Кроме того, акцент на глобальных проблемах позволяет не обращать внимания на проблемы локальные либо списывать эти локальные проблемы на очевидную для всех мировую несправедливость.

В-третьих, можно говорить о том, что новая левая идеология, вооружившись по-новому интерпретированным концептом (не)справедливости, заполняет образовавшийся в конце XX века идеологический вакуум, нарушает некий идеологический консенсус – привлекая тем самым на свою сторону заскучавших было радикалов, в первую очередь, среди молодежи.

Таким образом, концепт (не)справедливости позволяет новому левому дискурсу сочетать как конструктивные, так и деструктивные черты, обходя тем самым многие противоречия, с которыми сталкиваются другие идеологии и движения. Сейчас пока трудно говорить о политических последствиях распространения этого дискурса – возможно, мы будем свидетелями победы левых сил в тех или иных странах; но можно утверждать наверняка, что в итоге мы вряд ли станем свидетелями исчезновения несправедливости или торжества справедливости, а значит, воспроизводство идеологического дискурса неизбежно продолжится.

1. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: РОССПЭН, 1997. С. 318.
2. Чавес У. Многополярный мир как глобальная альтернатива. Взгляд Венесуэлы // Свободная мысль-XXI, 2005, № 2. С. 8.
3. Хомский Н. Прибыль на людях. – М.: Праксис, 2002. С. 60.

Е. А. Иванова

ДИСКУРС «АГОНИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ» ШАНТАЛЬ МУФФ



**Иванова
Евгения Александровна**

студентка факультета
политологии
и социологии УрГУ

Теоретико-философские изыскания Шанталь Муфф представляют собой довольно интересную попытку реабилитировать тяжело переболевшую недугами социализма левую идею. Вместе со своим соратником по перу Эрнесто Лакло Муфф предлагает выйти из тесных границ марксистской парадигмы и, - не отказываясь от прописных истин левой политики, - вместе с тем переформулировать ее основные цели. Так традиционная марксистская установка на преодоление

капитализма и эмансипацию рабочего класса в их прочтении превращается из ключевой задачи в рядовую. Смысл подобного развенчания знаменитой теории состоит в освобождении пространства для новых социальных движений левого толка, чьи пестрые политические программы вряд ли могут вписаться в марксистскую систему координат. В этой связи, утверждают Муфф и Лакло, главная цель левых сил отныне должна состоять в том, чтобы в полную силу зазвучали все голоса, каждый из которых обладает своей собственной неискоренимой дискурсивной идентичностью¹. Именно эта инициатива становится центральным лозунгом «радикальной демократии» - совместного проекта постмарксистских теоретиков, призванного исправить огрехи популярных демократических теорий. Своеобразным продолжением этой концепции явилась разработанная уже самой Шанталь Муфф теория «агонистической демократии», которая предлагает свой выход из образовавшегося на стыке старых моделей дискурсивного тупика.

Концепцию «агонистического плюрализма» - таково второе ее наименование – Муфф фактически целиком выводит из критики двух господствующих в современной теории либеральных трактовок демократии: агрегативной и делиберативной. И если первая, постулирующая тезис о том, что демократия является всего лишь средством достижения реальных целей, мало занимает Муфф² в силу своей очевидной ущербности, то вторая, напротив, представляет для нее живой интерес. Посему неслучайно, что основные положения агонистической теории - а именно, о легитимности и плюрализме - совпадают с магистральными направлениями критики Муфф в адрес совещательной модели демократии, одним из виднейших авторов которой является Юрген Хабермас.

В фундамент своего теоретического конструкта Муфф закладывает реабилитированную идею власти, которая была дискредитирована усилиями «школы общения». В рамках этой школы фактически утверждается мысль о наличии обратной зависимости между властью и демократией: «чем более демократическим является общество, тем меньший объем власти присутствует в его социальных отношениях»³. Более того, власть объявляется потенциально способной раствориться в пространстве идеального дискурса, в недрах которого зарождается легитимность, основанная на всеобщем рациональном консенсусе. Муфф развенчивает эту красивую утопию и возвращает нас на землю, утверждая идею о гегемонистской природе социального порядка.

По ее мысли, власть вплетена в канву социальных отношений. Более того, являясь их неотъемлемой частью и основой, она конструирует саму социальную объективность. Именно поэтому, с точки зрения Муфф, установка на устранение власти является нонсенсом. Задача демократической политики состоит отнюдь не в уничтожении власти, а, напротив, в нахождении таких ее форм, которые бы максимально сочетались с демократическими ценностями. Одновременно с этим, теряет всякий смысл постулируемое сторонниками «совещательной демократии» утверждение о тотальной несовместимости власти и легитимности. Муфф пишет: «демократия нуждается в том, чтобы совершенно сконструированный характер социальных отношений дополнялся совершенно прагматическими основаниями притязаний на легитимность власти»⁴. В этой точке «агонистическая демократия» Муфф и хабермасовская совещательная модель принципиально расходятся.

Тем не менее, существует еще один проблемный пункт, порождающий, пожалуй, еще более острые противоречия между этими теориями. Парадокс здесь заключается в том, что вопрос этот по идее должен выступать в качестве связующего звена, а не разделительной линии. Речь идет о плюрализме.

Идею приверженцев «демократии общения» о том, что принцип плюрализма обеспечивается достижением идеального *modus vivendi*, Муфф объявляет несостоятельной. Отправным пунктом ее рассуждений выступает тезис Маркса об антагонистической природе социальной жизни. «Учитывая неискоренимость плюрализма ценностей»⁵, посыл о существовании некоего рационального решения конфликта следует считать ложным - утверждает постмарксистский теоретик. Более того, подобные заблуждения, полагает Муфф, чрезвычайно опасны – поскольку политический конфликт, если ему не дать естественного выхода, рано или поздно проявит себя в более жесткой форме⁶. В этих условиях целью демократической

политики становится не преодоление противопоставления мы/они, что в принципе невозможно, а нахождение такой формы его установления, которая была бы совместима с плюралистической демократией. Эту задачу Муфф и возлагает на «агонистическую демократию».

В рамках структуры указанной модели выделяются два отличных друг от друга базовых элемента – «политическое», где разворачивается все многообразие антагонистических социальных отношений, и «политические образования», которые «обозначают множество практик, дискурсов и институтов, направленных на установление определенного порядка и организацию совместного существования людей в условиях, которые всегда чреваты возникновением конфликтов, поскольку на них воздействует измерение «политического»»⁷. Функция «политических образований», таким образом, состоит в укрощении «политического», в редуцировании потенциального антагонизма. Примечательно, однако, что Муфф не говорит ни слова о наличии обратной связи между этими структурными элементами. Оставив в стороне причины ее молчания, следует задаться вопросом: имеет ли место такое взаимовлияние? Представляется, что на этот вопрос можно ответить утвердительно. Более того, можно со всем основанием говорить о том, что процессы, протекающие в сфере «политического» в значительной степени определяют содержание политических практик и направленность дискурса. Так, возникновение террористической угрозы на южных рубежах России потребовало создания новых специализированных структур, направленных на борьбу с терроризмом, а также переориентации деятельности некоторых уже существующих.

Следуя условиям заданной модели, нацеленной на конструирование плюралистической демократии через создание единства в ситуации конфликта и несходства⁸, Муфф осуществляет операцию, которая в данном контексте приобретает принципиальное значение. Она фактически удаляет из своего проекта традиционное для марксистской теории понятие «антагонизм», определяемое как «противоречие, характеризующееся непримиримой борьбой враждебных сил»⁹, заменяя его более «мягким», расширяющим пространство для компромисса понятием «агонизм». Враги отныне становятся соперниками, «с чьими идеями мы боремся, но в чьем праве отстаивать их мы не сомневаемся»¹⁰. Тем не менее, речь здесь не идет о конкурентах в либеральном понимании этого слова. Ибо, согласно Муфф, последние ведут борьбу за господство в рамках существующей системы гегемонии, тогда как «агонистические» соперники оспаривают саму гегемонию¹¹.

Говоря на языке «агонистической демократии», конечная цель любой демократической политики должна состоять в преобразовании антагонизма в агонизм, который подразумевает уважение принципов свободы и равенства граждан, а также обоюдное признание всеми права каждого иметь собственные взгляды и защищать собственные интересы, даже если они противоречат нашим. Вместе с тем, Муфф предлагает смириться с неизбежностью социальных антагонизмов, которые, однако, могут и должны быть направлены в более спокойное русло, сохраняя при этом живой импульс борьбы, без которой невозможно существование «политического».

1. Crowder G. Chantal Mouffe's agonistic democracy. - University of Newcastle, 25-27 September 2006. – p.2.

2. Там же. – р.5.
3. Муфф Ш. К агонистической модели демократии. // Логос. - 2004. - №2(42). – с. 193.
4. Там же. – с.193.
5. Муфф Ш. К агонистической модели демократии. // Логос. - 2004. - №2(42). – с. 195.
6. Crowder G. Chantal Mouffe's agonistic democracy. - University of Newcastle, 25-27 September 2006. – p.8.

7. Муфф Ш. К агонистической модели демократии. // Логос. - 2004. - №2(42). – с.194.
8. Там же. – с. 194.
9. <http://slovari.yandex.ru>
10. Муфф Ш. К агонистической модели демократии. // Логос. - 2004. - №2(42). – с. 194.
11. Crowder G. Chantal Mouffe's agonistic democracy. University of Newcastle, 25-27 September 2006. – p.10.

С. В. Кайгородов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ И ЛЕВЫЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ



**Кайгородов
Сергей Владимирович**

директор Уральского института
экономики Санкт-Петербургской
Академии Управления и
экономики

Для рассмотрения современного состояния и перспектив развития левого дискурса, необходимо определиться с содержанием понятий. Как правило, различают два аспекта этих категорий – экономический и политический. «Правый» в экономике – приоритет частной собственности, экономической свободы, рынка, минимизация влияния государства на экономику. Правый в политике – консерватор, сторонник постепенных, эволюционных изменений, без нарушения законов. Это позиция близкая к современному либерализму. Левый в экономике – общественная (государственная) собственность, централизованное планирование, социальная справедливость (или равенство). Левый в политике – сторонник радикальных революционных изменений во имя «общего блага», посредством массовых выступлений, не соблюдая законы. Экономический аспект является формулированием целей изменений (развития), а политический аспект определяет средства, с помощью которых эти цели достигаются.

Средства достаточно полно и подробно описываются с помощью понятия «политический режим».

Можно построить совершенно четкую логическую последовательность политических режимов: тоталитарный, авторитарный, демократический, либеральный и анархический. Логика данной последовательности очень простая от режима с максимальным, практически стопроцентным влиянием на общество, до полного отсутствия какого-то влияния (анархия), через три промежуточных состояния с уменьшением влияния при каждом переходе. Рассматриваемые таким образом политические режимы, представляют собой некоторые идеальные модели, аккумулирующие в себе наиболее характерные, типичные черты реальных политических систем, находившихся в некоторые периоды своей истории в состояниях, близких к соответствующим моделям. Другими словами, идеальные модели, как и любой другой науке, могут рассматриваться только как феномен соответствующей теории. Реально существующие системы, как правило, содержат в своем составе элементы различных идеальных моделей.

Процесс анализа реальной системы состоит в нахождении в ней элементов идеальных систем и в построении модели, которую можно называть реальной. Основная исследовательская задача в данном разделе политической науки состоит, таким образом, в построении двух моделей – идеальной и реальной. Изложенный выше подход к исследованию политических режимов (можно назвать его систематическим), отличается от других подходов, которые имеют место. Можно выделить некоторые из них: редукционистским можно назвать подход при котором все многообразие реальной системы сводится к какой-то одной идеальной модели; эклектичным можно назвать подход, приписывающий реальной системе самые различные черты, без обоснования и без расшифровки смысла подобной операции; метафорическим можно назвать подход, фиксирующий некоторые очевидные черты реального режима и дающий им свои названия в виде метафор, а не научных понятий. Не вдаваясь в подробное рассмотрение режимов, попытаемся определить для каждого из них одну определяющую черту, которая однозначно выделяет данный режим из всех других, и которую можно назвать качественной характеристикой режима. Для тоталитарного режима такой характеристикой мы считаем существующую «монолитность» общественного сознания и его единство с властью, на которое обращалось внимание в работе Л. Гозмана и А. Эткинда. Достижение такого состояния можно считать одной из главных целей власти при любом режиме и предварительным условием эффективного достижения всех других более содержательных целей. Однако нельзя забывать какими средствами и жертвами достигается этот результат при тоталитарном режиме. Единство общества в этом случае является результатом навязывания каждому индивиду такого состояния его сознания, которое соответствует существующим в данной системе стандартам. Для нас в данном случае не так важно кто является субъектом, формирующим и навязывающим эти стандарты, а также средства и методы, которыми обеспечивается это единство сознания. В существовавших в XX веке тоталитарных режимах этим субъектом было государство. Но это совсем не означает, что не может быть других субъектов, достигающих другими методами похожего результата. Это могут быть и экономические структуры и элементы гражданского общества. Такие же результаты могут обеспечиваться и существующими механизмами в самом общественном сознании. Для нас сегодня важно понять, что данное качество тоталитарной модели может воспроизводиться и в условиях сильно отличающихся от уже существовавших в XX веке.

Качественной характеристикой авторитарной модели в некоторых работах считают высокую квалификацию